«СОВЕТСКАЯ МОЛОДЕЖЬ» 30 ИЮЛ 1978
г. Рига

НЕ ХОЧУ БЫТЬ НА ВЕРШИНЕ

Возле ее дома нет традиционного куста роз с яростными брызгами цветов, отяжелевших от воды. Охапка роз лежит в ванне во дворе — чтобы не завяли. ...Наверное, в ее жизни были тысячи таких букетов.

— ДА, КОНЕЧНО... Ведь в театр я пришла очень давно, девятнадцатилетней девушкой. Случайно, актрисой я не собиралась быть. Отец мой, несмотря на то, что был каменщиком, хотел, чтобы я училась, играла на скрипке.

В театре я впервые побывала с матерью еще девочкой. Ставили «Огонь и ночь». Мы сидели далеко, на балконе. Но мне казалось, что глаза Тии Банги, (Спидолы) смотрят только на меня, и обращается она только ко мне. Это запомнилось на всю жизнь.

А как-то на улице ко мне подошел человек и предложил сняться в кино. Кинематограф в Латвии тогда только зарождался, сняться в фильме было лестно, к тому же это была работа, а ее в то время было не так-то легко найти...

Фильм вышел, назывался он «Психея». Ничего особенного он собой не представлял, обычная низкосортная мелодрама. И я ничем там не выделялась, разве что была тогда красивой и очень молодой.

Но моим партнером в «Психее» был Эдуард Смильгис. Это решило мою дальнейшую судьбу. Он начал тогда подбирать труппу для своего театра. Пригласил меня.

Народная артистка СССР Лилита Берзиня.

Так началась моя театральная жизнь. Я сразу сыграла в двух спектаклях на «ночную тему» — «Сон в летнюю ночь» и «Огонь и ночь». Правда, роли мне дали крошечные, без слов. Да большего я тогда, конечно, и не могла. Потом еще несколько лет участвовала в постановках с бессловесными ролями или одной фразой. Но это, можно сказать, были мои университеты. За сезон ставили 18—20 новых спектаклей. В каждом — несколько ролей. Основам актерского труда приходилось учиться прямо на сцене. Только лет через семь мне дали небольшую самостоятельную роль в «Трактирщице» Гольдони.

Вскоре для театра наступила трудная пора. В 30-е годы лучшие пьесы попали под запрет — «Юлий Цезарь», «Гамлет». Сам театр начал формалистские искания. Ставили, например, пьесу «Амур на дредноуте», созданную ни много ни мало на основе шекспировского «Много шума из нечего». Действие происходило на современном английском корабле... Да и вообще с Шекспиром, конечно, ничего общего не было.

И я сама в то время еще не жила на сцене, а играла. Это ведь только так говорится, что в театре играют. Актер живет в своих героях, он растворяется в них. Поэтому я помню и люблю все свои роли: и большие, и маленькие, и удачные, и не очень. Так же для матери дороги все ее дети, она не делит их на любимых и нелюбимых.

...А у меня за эти годы — больше трехсот спектаклей, значит, больше трехсот жизней, больше трехсот детей.

С 1940 года на сцене появились совершенно новые для нас спектакли, уже ставшие советской классикой.

После войны мы приехали на гастроли в Москву первыми из прибалтийских театров. Ставили «Огонь и ночь». Вообще, сначала у меня была роль Лаймдоты. Мы уже репетировали. Потом я попробовала роль Спидолы. Долго не получалось. Фелицита Эртнере меня любила, была со мной откровенна и советовала мне отказаться от этой роли. Но я уже не могла отступить, хотя всегда очень считалась с ее мнением. Слишком дорог стал мне этот образ. Ведь Спидола — сложнейший образ в латышской драматургии. Она и символична и глубоко реальна. И жить в этой роли надо двумя жизнями.

Я настолько слилась со своей героиней, что Лилита Берзиня просто исчезала, и мои глаза наяву видели, как стены театра вдруг раздвигались и исчезали, и голос Спидолы, мой голос, звучал, обращаясь ко всей Вселенной. Даже самой страшно становилось.

За этот спектакль я получила Государственную премию СССР.

Вообще, мне, конечно, есть что вспомнить. Дездемона, Аснате, Любовь Яровая, Мария Стюарт, Анна Каренина, Сольвейг, Шура Булычева, Жанна д'Арк, Гретхен... Всего не перечислить.

Театр менялся. Мы менялись и росли вместе с ним. Сейчас на сцене Художественного — уже шестое поколение — все они пришли и стали актерами на моих глазах. Молодежь у нас хорошая, сильная: Карлис Аукшкалн, Лилита Озолиня, Марина Яунаус. С ними приятно работать. Они и нас, старшее поколение, многому учат, помогают сильнее чувствовать требования времени.

Молодые зрители любят ходить в наш театр. С каждым годом публика становится все моложе. Я вижу, как меняется аудитория: лет десять тому назад в зале сидели в основном одни женщины, а теперь все больше мужчин.

Для артиста самое главное — найти те нити, которые свяжут его со зрителями. Я ношу в себе что-то вроде термометра, который показывает мне температуру зала. Публика иногда бывает очень темпераментной, а иногда тихой. Даже аплодисментов не слышно. Но термометр показывает: все в порядке — спектакль нравится. И играть легко. Вот, например, такая напряженная пьеса как «Играл я, плясал...». В зале стоит неправдоподобная тишина. Обычно весной, осенью люди простужены, кашляют, а здесь — тишина. И вот тогда действительно появляется то самое единое дыхание с залом.

Во многих спектаклях я импровизирую — это, конечно, не относится к классике. Вот, например, была у меня небольшая роль в одной из пьес Г. Приеде. Сначала мне она не очень нравилась. Но в таких случаях я стараюсь найти в образе какие-то привлекательные, понятные мне черты. И уж тогда, войдя в роль, я как бы изнутри вижу все поступки, которые могла совершить моя героиня, почти невольно говорю те слова, которые могла бы говорить она. Приеде был доволен. Но иногда случаются вещи почти невероятные: во мне узнают людей, которых я никогда не знала и не видела. Да, это правда. я часто собираю характеры своих героев по кусочкам, беря те или иные черты от окружающих меня людей.

Вообще, вспоминая все пятьдесят шесть лет работы я все-таки думаю, что сделала не все, что могла, мне все время кажется, что я еще так мало знаю. Когда я поняла, что мне присвоили звание Героя Социалистического Труда (именно, когда поняла, а не когда узнала), то очень испугалась. Как же буду работать дальше, как смогу оправдать такое доверие? Ведь на мне теперь ответственность и за себя, и за театр.

В связи со своим юбилеем мне пришлось выслушать много лестных слов. Говорили, что я достигла в искусстве каких-то вершин. Не знаю, наверно, можно достичь в искусстве совершенства, но лично я не хочу быть на вершине. С вершины можно только спускаться.

А я еще собираюсь играть на сцене, а значит идти в гору.

Фото Е. ПУГИНА.